

Ю. В. Иванова

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ И ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ НА ОДЕЖДУ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

**(ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНСКОЙ ССР)**

Изучение одежды — одна из важнейших и привычных тем этнографических исследований. Как правило, народная одежда характеризует специфику изучаемого этноса, другими словами — служит этнической меткой. Одновременно она выполняет социально-разделительные и социально-объединительные функции¹.

При исследовании современного быта народов СССР простое описание костюма, — в значительной степени урбанизированного, — не выявляет этнической специфики. Здесь во главу угла следует поставить отношение людей к костюму (как и к другим предметам обихода), оценку всего комплекса одежды или отдельных частей костюма с точки зрения престижной функции². Значение костюма как этнодифференцирующего признака (этнической метки) еще сохраняется в наше время, хотя заметно слабеет. Особенно рельефно эта проблема выступает при изучении многонациональных районов нашей страны. Примером такого района может служить территория, примыкающая к северному берегу Азовского моря — бывший Мариупольский уезд Екатеринославской губернии, ныне Великоновоселковский, Волновахский, Старобешевский, Володарский, Тельмановский, Першотравневый и Приморский районы Донецкой области УССР³.

Старожилческое население этих мест — украинцы и греки. Немногочисленные украинские поселения были основаны запорожскими казаками. Греки были переселены из Крыма⁴ в конце 1770-х годов. Это переселение было одним из звеньев в мероприятиях русского правительства по освоению обширных пространств Причерноморья, присоединенных к Российской империи в течение XVIII в.

Греки, жившие в Крыму, говорили на двух языках: одна часть их освоила крымскотатарский язык, а другая пользовалась одним из диалектов новогреческого языка — крымскорумейским языком (от их само-

¹ С. А. Токарев, К методике этнографического изучения материальной культуры, «Сов. этнография», 1970, № 4; К. В. Чистов, Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры, «Сов. этнография», 1972, № 3.

² См. об этом более подробно: Л. В. Маркова, О проявлении этнической специфики в материальной культуре болгар, «Сов. этнография», 1974, № 1. Там же см. библиографию вопроса.

³ Работа написана на основании полевых материалов автора. См.: Ю. В. Иванова, Полевая тетрадь 1969 г., Архив Ин-та этнографии АН СССР (далее — Архив ИЭ), ф. 1, д. 131 (3768); Полевая тетрадь 1970 г., там же, д. 132 (3769); Полевая тетрадь 1971 г., там же, д. 133 (3770).

⁴ Время и обстоятельства расселения этой группы греков на южном побережье Крымского полуострова сейчас установить трудно. Для нашей темы важно отсутствие у них прямой связи с основной территорией расселения греческого этноса.

названия *румеюс*). В пределах крымскорумейского насчитывалось пять языковых групп, взаимопонимание между которыми было слабым. Расселившись на пространстве, ограниченном реками Волчьей, Мокрые Ялы, Кальмиусом и берегом Азовского моря, выходцы из Крыма основали два десятка сел и город Мариуполь (совр. Жданов). Татароязычные и грекоязычные поселенцы основали отдельные села. На первых порах связи между двумя этими группами были крайне ограниченными⁵. Первоначально греки, как и другие переселенцы в Новороссию (все они назывались «иностранные колонисты»), имели большие наделы земли и многие правовые привилегии. С течением времени изолированное расселение греков стало нарушаться. Неосвоенные ими избыточные земли были переданы переселенным из других губерний казенным и помещичьим крестьянам, преимущественно русским и украинцам. В 1859 г. в Мариуполе было разрешено селиться лицам негреческой национальности (среди новых горожан были украинцы и русские). В самом конце XVIII в. и первой половине XIX в. на Мариупольщине были основаны земледельческие колонии немцев⁶ и евреев. На юго-западе Мариупольского уезда с греческими селами соседствовали болгарские. Таким образом, Мариупольский уезд оказался заселенным несколькими национальными группами⁷. Численно преобладали среди них украинцы⁸. Каждая из этих групп имела свой правовой статус, свое направление хозяйства, свой бытовой уклад.

Греки, которые при переселении из Крыма имели неограниченную возможность осваивать пустующие степные пространства, на первых порах были овцеводами. Во второй половине XIX в. больший удельный вес в их хозяйстве приобрело хлебопашество. Вследствие неоднократного размежевания земель и естественного прироста населения обеспеченность пастбищными и пахотными угодьями греческих сельских обществ была далеко неодинаковой. Все же греческие села в целом, как и немецкие, оказались обеспеченнее других. Богатые греки держали в своих руках торговлю, владели мельницами, кирпичными заводами и т. п.⁹. Немцы вели почти исключительно земледельческое хозяйство товарного направления. Евреи были земледельцами, а также занимались ремеслами и мелкой торговлей. Болгары практиковали зерновое хлебопашество и огородничество. Украинцы находились в гораздо более стесненных условиях, имели сравнительно немного земли, маломощные

⁵ Е. И. Дружинина, Северное Причерноморье в 1775—1800 г., М., 1958, стр. 68; е е же, Южная Украина в 1800—1825 гг., М., 1970, стр. 118, 119; А. А. Белецкий, Греческие диалекты на юго-востоке Украины, сб. «Балканская филология», Л., 1970, стр. 5—15; Т. Н. Чернышова, Новогреческий говор сел Приморского (Урзуф) и Ялты Первомайского района Сталинской области, Киев, 1958, стр. 5—8, 11—22, 27, 78; «Мариуполь и его окрестности», Мариуполь, 1892, стр. 18—43, 72, 73.

⁶ Окружающее население называло «немцами» различные группы выходцев из Западной Европы: меннонитов (потомков немецких поселенцев в Голландии), немцев из различных германских земель и Варшавского герцогства, переселенцев из Польши, Чехии, Швейцарии. См. Е. И. Дружинина, Южная Украина, стр. 127—138.

⁷ Е. И. Дружинина, Южная Украина, стр. 118, 149—152; Н. С. Державин, Болгарские колонии Новороссийского края, Симферополь, 1908, стр. 36—71; А. Клаус, Наши колонии, СПб., 1869, стр. 363, 364; А. А. Скалковский, Географическая и этнографическая терминология Новороссийского края, СПб., 1868, стр. 29; С. Я. Боровой, Еврейская земледельческая колонизация в старой России, М., 1928; В. И. Наулко, Географічне розміщення народів в УРСР, «Додаток до Карті сучасного етнічного складу населення Української РСР», Київ, 1966, стр. 13—26; е го же, Развитие межэтнических связей на Украине, Киев, 1975, стр. 22, 39—46, 55, 56.

⁸ По переписи 1897 г. в Мариупольском уезде украинцев насчитывалось свыше 154,5 тыс. чел., греков — свыше 63,5 тыс. чел., русских свыше 37 тыс. чел. (среди них много тех, кто поодиночке переселялись из центральных губерний России), немцев — свыше 19 тыс. чел., евреев — свыше 10 тыс. чел. («Перепись 1897 г.», вып. 7, СПб., 1905, стр. 14).

⁹ Подробнее см.: Ю. В. Иванова, Хозяйственный быт греков Приазовья, сб. «Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г.», М., 1971.

хозяйства; многие из них занимались к зажиточным колонистам: мужчины в качестве сезонных работников или поденщиков, женщины — домашней прислужой. Пришлые из центральных губерний русские ремесленники и сельскохозяйственные рабочие оседали поодиночке в различных национальных селах¹⁰.

До последних десятилетий XIX в. каждая из перечисленных групп жила довольно обособленно (исключение составляли жители крупных торговых сел). Межэтнические связи возникали главным образом в процессе хозяйственной деятельности. Однако конфессиональные различия, языковой и психологический барьер мешали более тесному бытовому общению. Межэтнические браки были исключены. Неудивительно, что в конце XIX в. и в первые десятилетия XX в. сельские жители Мариупольского уезда придерживались традиционного костюма своей этнической группы. Национальность каждого крестьянина, а тем более крестьянки, можно было определить с первого взгляда по одежде.

Греческие женщины к тому времени наряду со старинным длинным платьем, кроенным в талию (крымскорумейск. *фистан*, крымскотатарск. *урба*)¹¹, носили кофты и юбки из одной и той же фабричной ткани, так называемые «двойки»¹², причем этот костюм называли по-русски. Но фартуки, особенно для парадных случаев, делали из шерстяной домо-тканины лучших сортов.

Рубаха традиционного туникообразного покроя без плечевого шва ставалась основной нательной одеждой греческих женщин. Ее шили преимущественно из льняной или ситцевой фабричной материи. В отличие от украинок среди гречанок в это время не было принято оставлять открытыми грудь, рукава, подол рубахи, поэтому вышивка, богато покрывавшая еще в XIX в. именно эти части греческих рубах, в начале XX в. редуцировалась. Некоторые греческие мастерицы в то время уже перенимали украинскую вышивку крестом черными и красными бумажными нитками. Однако большинство еще придерживалось старинных национальных традиций. По технике (гладь, мережка), содержанию орнамента (мелкий цветочный узор, «веточка», «вазон» без симметричного расположения) и расцветке (желтые, светло-коричневые, неяркие зеленые и синие цвета, очень распространенная в прошлые времена золотая нить) орнаментация греческих рубах резко отличалась от украинских¹³. По орнаментальным мотивам, расцветке и технике исполнения вышивки на рубахах греческого населения Приазовья близки к вышивкам в материковой и островной Греции¹⁴. Это обстоятельство, на наш взгляд, указывает, что художественное творчество народа, в частности орнамент, это один из самых устойчивых компонентов этнической культуры.

¹⁰ А. Клаус, Наши колонии, стр. 151, 152; «Мариуполь и его окрестности», стр. 310; Н. С. Державин, Болгарские колонии в России, София, 1914, стр. 64; А. Скальковский, Опыт статистического описания Новороссийского края, Одесса, 1850, т. II, стр. 21 сл.; В. А. Золотов, Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в., Ростов-на-Дону, 1963, стр. 18, 105, 170.

¹¹ Это платье примерно в середине XIX в. сменило более древний костюм, носивший черты татарского влияния. Он состоял из кафтана с короткими рукавами, перехваченного поясом из серебряной парчи или металлических бляшек (так называемый «кавказский»), рубахи с длинными и широкими рукавами, которые были видны из-под рукавов кафтана, шаровар, мягких сафьяновых туфель и полотнячатого головного убора — Архив ИЭ, фонд Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ф. ОЛЕАЭ), оп. 1, д. 8, лл. 1, 19 об.

¹² Ждановский краеведческий музей (далее — ЖКМ), фототека, № 45, 2046.

¹³ ЖКМ, фонды № 909, 2215, 2286; Там же, фототека, № 2122, 2124.

¹⁴ P. Zoras, Embroideries and jewellery of Greek national costumes, Athens, 1966, p. 8.9.11, pl. 1, 11—14, M. Bieber, Griechische Kleidung, Berlin — Leipzig, 1928, S. 19—21; Ph. Arghenti, The costumes of Chios, London, 1953, p. 221, 236, fig. 118, 167; Δ. Λουκοπουλου, Πως νφαινονν και ητυνονται οι αιτωλοι, εν Αθηναις, 1927, σελ. 82; Κ. Μακρη, Πηλιορειτικες φορεσις, Βολος, 1949, σελ. 15, εικ. 1—4.

Верхняя одежда у греческих и украинских женщин также различалась: украинки охотно надевали зимой шубы из выделанной овчины мехом внутрь, удобные для работы во дворе и хлеву, в то время как гречанки таких шуб почти не носили, предпочитая суконные пальто (у греков уход за скотом считался мужским делом).

Мужчины в то время носили пиджаки, глухие двубортные куртки из фабричных тканей, фуражки. Брюки заправляли в сапоги (праздничная обувь). В качестве обыденной обуви носили *чарухи* (*чарых*), — мягкую обувь из одного куска сыромятной кожи, — ремни которых наматывали поверх носок или онуч¹⁵. Старинная мужская рубаха туникообразного покроя имела иногда очень широкий подол, напоминая тем самым балканскую фустанеллу¹⁶. Такую рубаху носили еще в середине и во второй половине XIX в.¹⁷ В конце XIX в. она превратилась в нательное белье, за ней сохранились наименования на крымскотатарском и крымскотатарском языках: *камсу*, *пкамсу*, *пукамус*, *келек*. Поверх нее стали носить по городской моде верхнюю рубашку-косоворотку и называли ее по-русски *рубашка* (искаженно *урбашка*). Рубашка по покрою и расположению орнамента (на груди, по вороту и подолу) сходна с рубашкой украинцев, южных великоросов, кубанских и донских казаков¹⁸. Однако расцветка и техника вышивки типично греческие: неяркий мелкий узор черными, красными, белыми, коричневыми шелковыми нитями.

Больше национальной специфики сохранилось в верхней мужской одежде: греки носили разнообразную верхнюю одежду из овчины мехом внутрь — длинные и короткие шубы, полушубки, безрукавки, овчинные шапки различных фасонов¹⁹. Чабаны, проводившие большую часть года при стаде под открытым небом, находили удобными теплые штаны из овчины (вышли из употребления в 1920-х годах). В целом греческая зимняя одежда отличалась от украинской более узким кроем и отсутствием украшений — аппликаций, вышивок. Различия в costume этнических групп были особенно заметны в обуви, привычной для крестьянского обихода: никто на Мариупольщине, кроме греков, не носил чарухи, никто не перенял деревянную обувь немецких колонистов. Гречанки не носили «русских» кожаных сапог, которые надевали для работы украинки.

В пределах каждой этнической группы отдельные предметы традиционного костюма указывали на место данного человека в общественной системе: на его возраст, семейное положение и т. п. В греческом costume очень интересен в этом отношении головной убор замужних женщин — *перифтар* (*пелифтар*, *пирифтарь*, *плифтар*, *баш явлух*). Его надевали невесте в день свадьбы перед венчанием; в первый год замужества носили постоянно, а впоследствии — в качестве праздничного убора. В повседневном быту пользовались головным платком. Перифтар — полотняный убор из длинного белого полотнища — плотно облегал лицо и шею, один из концов спускался через плечо по спине несколько ниже пояса. Тонкое легкое полотнище перифтара ткали из шелка-сырца, иногда из льна, его покрывали изящной вышивкой, выполненной золотой канителью и цветными шелковыми нитями. К перифтару прикреп-

¹⁵ Архив ИЭ, ф. ОЛЕАЭ, лл. 1, 2, 3, 6 об., 8, 19 об. Такая обувь распространена у всех народов Балканского полуострова. Ср. обувь из Греции: А. Логжоловлов, Указ. раб., стр. 58—60, 106, 107, 115, 116.

¹⁶ ЖКМ, фонды, № 2290.

¹⁷ Об ее сходстве с некоторыми типами болгарской см. Я. П. Прилипко, Етнокультурні зв'язки болгар і східних слов'ян: Київ, 1964, табл. III.

¹⁸ Г. С. Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в., «Востоочнославянський етнографічний збірник», «Труди Ін-та етнографії АН СРСР», т. XXXI, М., 1959, стр. 383; Я. П. Прилипко, Указ. раб., табл. III; «Кубанские станицы», М., 1967, стр. 150, 151.

¹⁹ ЖКМ, фототека, № 2092, 2199; Гос. Музей этнографии народов СССР (далее ГМЭ), фототека, № 4929—6.

Рис. 1. Молодая женщина в парадном костюме (начало XX в.). На ней атласное платье, шерстяной фартук, пояс с серебряной пряжкой, перифтар с полным набором украшений, нагрудные украшения (Гос. Музей этнографии народов СССР, фототека, № 3282—21)

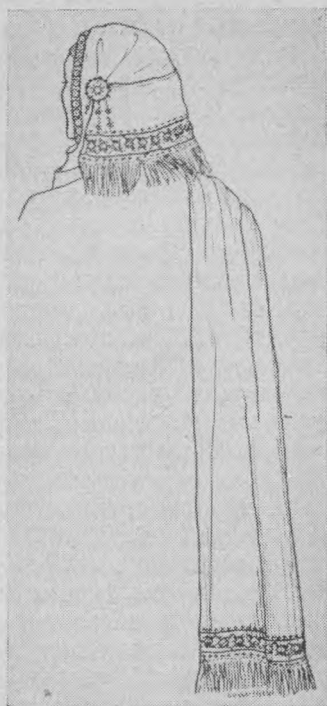

Рис. 2. Способ ношения перифтара (рис. Т. П. Лойферман, 1970 г. по материалам Ждановского краеведческого музея)

ляли большое количество металлических подвесок²⁰. В начале XX в. в одних селах перифтар уже совсем вышел из употребления, в других — пожилые женщины еще надевали его по праздникам, но уже без дополнительных деталей — накосного украшения *цамблис* и редуцированного заднего фартука *кам*²¹.

Женский фартук считался обязательной принадлежностью костюма «самостоятельной хозяйки». В начале XX в. даже на покойниц, умерших в преклонном возрасте, надевали фартук.

Вдов и вдовиц можно было отличить от других людей: в знак траура женщины оставляли волосы распущенными в течение года, мужчины не стригли волос и не брили бороды тоже длительное время, иногда до года, так что волосы достигали плеч, а борода пояса.

²⁰ ЖКМ, фонды, № ММК-И-1101, 1604, 1974, 2213, 2247, 2366, 1696, 9223, 8836; ЖКМ, фототека, № 1075/118, 63, 64, 2129; ГМЭ, фонды, колл. 1737 (с. Мангуш, совр. Першотравненское, 1909 г.), № 2, 3; колл. 3071 (села Большая Енисала — совр. Великая Новоселка, Каракоба — совр. Раздольное, Керменчик — совр. Старомлиновка, 1914 г.), № 5, 8—11, 15, 18—21, 59—68. Ср. с подобными головными уборами в Греции: Р. Зога, Указ. раб., табл. LXIII (воспроизведена фреска 1641 г.), LVI (рисунок 1727 г.), LXXXIX, LXXX, LX (датированы началом XIX в.), LXXXIX, XCV (середина XIX в.), LXXXIII, LXXXVII, XCIV, XCVIII, CVII. Сходный головной убор бытовал у крымских татар: ГМЭ, фонды, колл. 251 (г. Алушка, 1894 г.), 22/27—27/27; колл. 463 (г. Ялта, 1899 г.), № 1, колл. 464 (южный берег Крыма), № 1, 2; колл. 2761, № 5; колл. 6640 (окрестности Коктебеля и Симферополя), № 1. См. также В. И. Наулко, Развитие межэтнических связей на Украине, стр. 248.

²¹ ГМЭ, фонды, колл. 3071, № 6, 7.

Нивелировка одежды разных национальных групп, характерная для капиталистической эпохи, начиналась с привнесения в быт предметов массовой унифицированной культуры.

С середины, и особенно в последние десятилетия XIX в. развитие торговли, главным образом экспорта пшеницы через южные морские порты России, прокладка железных дорог, постройка металлургических заводов привели к быстрому развитию Мариуполя как торгового центра. В товарное хозяйство втягивались многие села Екатеринославщины, и в первую очередь греческие и немецкие. Села, расположенные на севере Мариупольского уезда, тяготели к промышленной Юзовке (совр. Донецк). Интенсивны были торговые связи с Ростовом-на-Дону. Введенная реформой 1906 г. хуторская система усилила ясно наметившееся экономическое расслоение сельского населения.

В этот период несколько расширилось бытовое общение между всеми этническими группами Приазовья. Однако в одежде не происходило существенного заимствования каких-либо элементов, составляющих этническую характеристику той или иной группы.

Разница между этническими группами заключалась лишь в степени освоения массовой городской культуры. Греческое население, само экономически и социально весьма неоднородное, в целом было богаче других этнических групп (кроме немцев) и имело больше возможностей пользоваться услугами городских и сельских торговцев и ремесленников. В городах, в сельских лавках и на ярмарках приобретали готовую верхнюю одежду, головные уборы — женские платки, мужские шляпы и картузы (их называли этими русскими наименованиями), обувь, особенно женские ботинки и туфли. Интересно, что сапоги имели местные названия (румейск. *цангия*, татарск. *чизма*, *цызма*), а ботинки, туфли, валенки, галоши — только русские названия.

Портняжным ремеслом на Мариупольщине занимались жители украинских сел²². Профессиональные портнихи, располагавшие модными журналами, удовлетворяли стремление зажиточных заказчиц одеваться по-городски. Общероссийскую моду в крестьянский обиход вносили ремесленники, не бывшие коренными жителями сел: евреи — бродячие портные, работавшие на дому у заказчиков, шили преимущественно мужские костюмы и картузы, русские мастера тачали сапоги, приезжавшие из русских губерний сезонники валяли валенки.

Степень распространения предметов городского быта зависела от социально-экономического положения лиц (семьи, домохозяйства) и от уровня экономического развития села в целом. Жители различных греческих сел далеко не в равной степени осваивали бытовую культуру российского города. В селах, удаленных от торговых центров (напр., в Игнатьевке, Ласпе, Анадоле), гораздо дольше удерживались характерные для этой этнической группы бытовые навыки, в том числе и одежда. Жители с. Чардаклы (совр. Кременевка) еще в первой четверти XX в. носили почти исключительно чарухи, в том числе и женщины, что было редкостью для греческих сел (объясняется это, очевидно, тем, что в этом селе по сравнению с другими было значительно сильнее развито скотоводство). Даже в Мариуполе они появлялись в этой привычной для себя обуви.

Иная картина складывалась в крупных торговых или приморских селах — Ялта, Мангуш, Богатырь, Карань, Старая Каракуба. Но и там было заметно разделение по «кварталам» — богатых, предприимчивых людей, занимавших центр или приморскую часть села, и бедноты, жившей по окраинам. Зажиточного хозяина, молодую женщину, девушку из

²² Греки занимались только изготовлением одежды из овчины. Ни в портняжном, ни в строительном, ни в каком другом ремесле греки не преуспели, считая своим главным занятием скотоводство и земледелие.

центра» можно было отличить по костюму от жителей окраины: в одежде жителей «центра» преобладала городская мода²³.

Греки, жившие в Мариуполе и других городах южной России, внешне не отличались от горожан других национальностей. Зато посещающее село, эти горожане, особенно молодежь из зажиточных семей, получавшая образование в Екатеринославе (совр. Днепропетровск), Юстове и других городах, резко выделялись из общей массы: мужчины носили пиджачные пары и тройки, ботинки, шляпы и картузы, молодые женщины и девушки щеголяли в модных платьях с облегающим лифом и высокими буфами на плечах, в высоких шнурованных ботинках или туфлях на каблуках; на головы, увенчанные по моде высокими прическами, накидывали легкие шарфы.

Городская одежда становилась меткой социального положения. Ее престижная функция особенно заметна по семейным фотографиям того времени: все молодые женщины, независимо от своего повседневного образа жизни, старались сфотографироваться в модном платье с оборками и буфами на плечах, хотя бы им пришлось для этого одолжить его. Волосы оставляли непокрытыми. В то же время их матери и свекрови усаживались перед аппаратами сельских фотографов в широких длинных юбках, кофтах навыпуск, фартуках, обязательно покрыв голову платком.

Распространение среди греческого сельского населения предметов городской одежды и престижный характер ее — только один из показателей процесса ассимиляции греков российским городом, интенсивно протекавшего в условиях быстрого капиталистического развития Южной Украины. Эта ассимиляция шла многими путями (основной из них — освоение русского языка) и затрагивала почти все стороны быта, но в различной степени. В жилом доме при изменении материала и техники строительства, устройства отопительной системы и т. п. бытовое использование жилых помещений, а главное — убранство комнат — оставалось традиционным²⁴. Именно украшение комнат и в наши дни отличает дома греческих крестьян от жилища их односельчан других национальностей. Костюм оказался гораздо мобильнее.

Принципиально иные стимулирующие факторы нивелировали материальный быт приазовского села в 1920-е — 1930-е годы. Это был период строительства социализма в нашей стране, уничтожения кулачества, коллективизации сельского хозяйства, переустройства быта крестьянства. Все это приводило к большим изменениям в общественном сознании.

На костюме греческих крестьян этот процесс отразился двояко: прежде всего, костюм перестал служить знаком социального червенства; одновременно, хотя и более медленными темпами, он утрачивал функции этнической метки, что стоит в прямой связи с постепенным разрушением культурно-бытовой изоляции этнических групп.

Причинами начавшегося в этот период более активного обмена культурными навыками послужили постоянно растущая социальная мобильность сельского населения и неразрывно связанное с нею увеличение межэтнических браков. Вплоть до 1915—1920 гг. браки между представителями разных национальностей почти не заключались. Более того, редко греческую девушку выдавали замуж в соседнее село. Ограниченность семейных связей была одной из причин сохранения различий

²³ На социальное расслоение крестьянства внутри каждой национальной группы обращал внимание В. И. Ленин, когда в 1913 г. он характеризовал капиталистический путь развития южных губерний России. См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 58, 61.

²⁴ О. Р. Будина, О некоторых особенностях развития жилища греков Приазовья, сб. «Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году», М., 1972, стр. 199.

Рис. 3. Женщина в повседневном костюме за наматыванием ниток на шпульку для ткацкого станка, 1930-е годы (Ждановский краеведческий музей, фототека, № 60/199)

в говорах отдельных сел или небольших групп селений, специфических черт домашней жизни. Первыми русскими невестками в греческих семьях становились те девушки, которые живя в услужении в греческих хозяйствах, осваивали румейский и татарский языки, привыкали к местному быту.

В первое десятилетие Советской власти, число межэтнических браков, а также браков местных мужчин с женщинами из других сел все же было сравнительно невелико. Резко изменилось это положение во время Великой Отечественной войны и после нее, когда в браки вступали люди 1920 г. рождения и моложе²⁵.

Миграция сельского населения привела к тому, что в наши дни ни одно из основанных греками сел не осталось одноплеменным (преобладающее негреческое население — украинцы и русские, примесь представителей других национальностей ничтожно мала).

В годы Советской власти резко интенсифицировался протекавший на протяжении всего XIX в. процесс смены языка межэтнического общения: татарский, бывший языком общения в Крыму²⁶, уступал эту функцию русскому. Русский язык стал средством общения не только между людьми разных национальностей, но и между самими греками, родные языки и говоры которых не были взаимно понятными. Одновременно лексика крымскорумейского и крымскотатарского языков обогащалась заимствованиями из русского (главным образом в общественной сфере) и из украинского (преимущественно в быту)²⁷.

²⁵ Основное ядро греческих сел Донецкой области остается довольно устойчивым: «полу-дем» по шкале В. В. Бунака (В. В. Бунак, Изучение малых популяций в антропологии, «Вопросы антропологии», 1965, вып. 21). У группы мужчин 1920 года рождения и моложе, процент браков с женщинами из других населенных пунктов приблизился к 25% (см. Архив ИЗ, Ю. В. Иванова, Отчет о работе Приазовского отряда 1970 г., стр. 16, 17).

²⁶ А. Л. Бертье-Делагард, Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде, Одесса, 1814, стр. 7, 10; Ф. Браун, Мариупольские греки, «Живая старина», № II, СПб., 1890, стр. 85.

²⁷ Т. Н. Чернышева, Указ. раб., стр. 18.

Естественно, что переоценка материальных и духовных ценностей в пользу русскоязычной культуры городского типа, начавшаяся еще в дореволюционное время, в годы Советской власти развивалась в возрастающей прогрессии.

Этот процесс не замедлил сказаться и на одежде. Старинные традиционные формы стали восприниматься как признак «отсталости», их даже несколько стыдились. В начале 1920 г. молодежь относилась с предубеждением к перифтару, прежде составлявшему предмет гордости женщины. Случалось, что женщины отказывались от привычного наряда по просьбе детей. Постепенно перестал быть строго обязательным обычай ношения головного платка замужними женщинами²⁸. В дореволюционное время и в 1920-х годах в некоторых селах, где общественное мнение поддерживало старинные правила приличия, молодая невестка не смела показываться простоволосой перед старшими родственниками (хотя в других селах, в группах, придерживавшихся более передовых понятий девушки и молодые женщины не всегда покрывали голову). В быту колхозниц, начиная с 1930-х годов, а тем более в последнее время головным платком пользовались по необходимости, не придавая ему значения социальной метки. Фартук ныне для женщин всех поколений и любого социального положения превратился в предмет, удобный для домашней работы. Его шьют из цветной хлопчатобумажной материи и называют по-украински «запаска» (румейские и татарские названия *мандиль*, *бишгир*, *бичир* и т. п. относят только к традиционным шерстяным орнаментированным фартукам).

Мужчины продолжали пользоваться разного рода кожухами (их и теперь носят), но начиная с 1920—1930-х годов, чаще чем кожухи, стали приобретать в магазинах пальто и полупальто на вате. Исчезла необходимость в громоздких плащах из домодельного сукна, которые надевали, пускаясь в дальнюю дорогу на подводах. Для дождливой погоды крестьяне пользовались плащами фабричного производства. Кожаные сапоги стали преобладающей рабочей обувью (парадной были ботинки). В начале 1930-х годов на косьбу крестьяне надевали чарухи, однако под них не наматывали, как прежде, онучи, а надевали толстые шерстяные носки. Несмотря на очевидное удобство этой обуви для некоторых сельскохозяйственных работ, примерно с конца 30-х годов от чарух отказались совсем — по соображениям скорее оценочного, чем практического характера.

Рис. 4. Мужчина в зимней верхней одежде, 1930-е годы. На нем смушковая шапка, овчинная шуба мехом вовнутрь, кожаные сапоги (Ждановский краеведческий музей, фототека, № 1519/2029)

²⁸ Ошибочно мнение, что «в начале XX в. перифтар вытесняется платком» (В. И. Наулко, Развитие межэтнических связей на Украине, стр. 251). Различные виды головных платков носили и в XIX в. в повседневном обиходе, в холодное время и т. д. Уже на рубеже XIX—XX вв. перифтар использовался лишь как парадная и церемониальная одежда. Девушкам из бедных семей приходилось одолживать его у соседок специально для свадебного обряда; всю жизнь они пользовались платком.

Модернизация быта, особенно интенсивная после Великой Отечественной войны, привела к тому, что в домашней жизни донецкого крестьянства преобладают стандартизированные предметы потребления: мебель, различная домашняя и кухонная утварь, готовое платье и обувь массового промышленного изготовления. В условиях современного села одежда не выполняет прежней социально-разделительной функции. Использование покупной одежды имеет специфику двух видов: этническую, которая в известной степени присуща еще костюму людей старшего поколения, и производственно-бытовую, соответствующую сельскохозяйственному производству.

Первая из указанных особенностей проявляется заметнее всего в выборе головных уборов. Женщины среднего и старшего возраста покрывают головы почти исключительно платками, причем пожилые предпочитают платки одноцветные, традиционных темных тонов. Женщины среднего и молодого возраста носят летом шелковые или ситцевые платочки цветные, узорчатые, цветастые — любые, какие им могут предложить сельские магазины. Молодые девушки и девочки предпочитают ходить с непокрытыми головами, а в холодную пору пользуются платками, реже — шапочками современных фасонов. Мужчины носят разного вида овчинные шапки традиционного фасона и очень редко шапки-ушанки²⁹. Летом картузы, обычные для довоенного периода, надевают только пожилые люди, молодые ходят с непокрытыми головами или приобретают кепки.

Другой традиционный элемент, сохранившийся в современном мужском костюме, — широкий мягкий пояс (чаще всего из красной хлопчатобумажной материи). Такие пояса в прошлом носили многие — зимой поверх тулупов, летом поверх брюк. В дореволюционное время их ткали из шерстяных домодельных ниток, позже шили из фабричной материи красного или синего цвета. Пояс из покупного материала считался богаче; тканый, несмотря на его явную художественную привлекательность, казался более скромным.

Сельскохозяйственное производство диктует свои особенности одежды: предпочтение отдается удобному в работе полупальто, резиновым сапогам (для женщин) и кожаным (для мужчин) — обуви, необходимой для осеннего, зимнего и весеннего сезонов.

Таким образом, в формировании современного обывденного костюма греческого сельского населения явно преобладают факторы не этнического, а социально-экономического характера. Использование современными донецкими колхозниками готового платья и обуви массового промышленного изготовления в значительной мере снижает этническую специфику, но не уничтожает ее бесследно.

Жители донецких сел в очень большой степени следуют в своей одежде быстро меняющейся современной моде. Это обстоятельство характеризует уже не столько материальную, сколько духовную культуру — восприимчивость данной этнической группы в изучаемое время к общесоветской модели быта.

Привычка пользоваться одеждой, утварью, постельными принадлежностями массового фабричного производства изменила состав приданого невесты и само отношение к традиции приданого. Раньше представление о «хорошей» невесте требовало от нее прежде всего качеств умелой хозяйки. Греческая женщина домашнему хозяйству уделяла больше внимания и времени, чем полевым работам и уходу за скотом (этим быт греческой семьи отличался от украинской). Свои хозяйственные таланты она должна была проявить в рукоделии, в умении красиво убирать комнаты, позаботиться об одежде всей семьи. Ее приданое состояло из всевозможных предметов одежды для нее (чтобы хватило на всю

²⁹ ЖКМ, фототека, № 2040, 2128, 2129, 2166, 2199.

жизнь!), для новой родни (подарки всем без исключения), из постельных принадлежностей и предметов домашнего убранства: ковров, поло- стей, покрывал, декоративных полотенец, разнообразных салфеток, дорожек и т. п. Ничего этого не требуется невесте в наши дни. Быстро меняющаяся мода делает желанным подарком не готовое платье, а от- резы материи или даже деньги. Для «хорошей невесты» важно прежде всего доброе имя ее родителей, а также ее личные качества: образова- ние, специальность, авторитет в коллективе.

Этот естественный и исторически оправданный процесс изменения отношения к предметам потребления таит в себе и определенные из- держки. Он вызывает отрицательное отношение к изделиям традицион- ного ремесла, а ведь они являются не только предметами потребления, но и выражают художественные вкусы, выработанные многими пред- шествовавшими поколениями. И ныне жилые комнаты в домах грече- ских крестьян обильно украшены коврами, всевозможными декоратив- ными изделиями — ткаными, вязаными, вышитыми. Многие из этих предметов сделано руками хозяек старшего поколения или заказано местным мастерам. Однако более желательными становятся ковры фабричного производства и другие вещи, приобретаемые в магазинах. А они зачастую уступают по своей художественной ценности предметам местного ремесла. Молодежь не только не осваивает традиционное при- кладное искусство, но даже несколько стесняется его, считая стандарт- ные фабричные изделия более подходящими для современного быта.

Если сама традиция убранства жилых помещений остается в наше время этнодифференцирующим признаком (этническая специфика вы- ражается в характере использования промышленных изделий), то пред- меты этого убранства постепенно теряют значение этнической метки.

* * *

Самостоятельным предметом этнографического исследования яв- ляется обрядовая одежда.

За 200 лет жизни греков в Приазовье менялся свадебный костюм. Наиболее старинный среди известных нам вариантов — красное платье и красное покрывало невесты, принятое среди балканских народов³⁰. От середины или последней четверти XIX в. дошли воспоминания о сва- дебной халатообразной одежде *шам* — как мужской, так и женской (в быту она уже тогда, по-видимому не употреблялась)³¹. В самом начале XX в. для женщин, которые когда-то венчались в такой одежде, она служила также и погребальной. В конце XIX в. принято было венчать- ся в платьях из черного атласа³². На рубеже веков и в первые десяти- летия XX в. в день свадьбы надевали нарядный костюм по городской моде того времени: юбку и кофту из хорошей фабричной материи (шел- ка или шерсти) светлых расцветок (кремовый, светло-салатный и т. п.). Его дополнял «кавказский» пояс (из золотой или серебряной парчи с серебряными черненными бляшками) или пояс из металлических пласти- нок. Голову невесты покрывал не перифтар, а фата, к которой порою прикрепляли традиционные металлические подвески. Руки и грудь укра- шали традиционные металлические браслеты и цепочки³³. Множество

³⁰ Y. N a h n, Albanesische Studien, Yena, 1854.

³¹ Архив ИЭ, ф. ОЛЕАЭ, лл. 1, 4; ГМЭ, фонды, колл. 861, № 2, колл. 3071, № 1, 17. Возможно, что эта одежда была связана с традициями крымских татар, более расши- рительно — с тюркским этническим ареалом, ср. описание женской одежды анатолий- ских турок: В. П. Курылев, Одежда анатолийских турок, «Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник музея антропологии и этнографии», вып. XXVI, Л., 1970, стр. 243.

³² Архив ИЭ, ф. ОЛЕАЭ, л. 17.

³³ Там же; ЖКМ, фонды, № 9823; ЖКМ, фототека, № 1075/118. Ср. пояса из Греции: К. М а з р η, Указ. раб., стр. 16, рис. 6, 7.

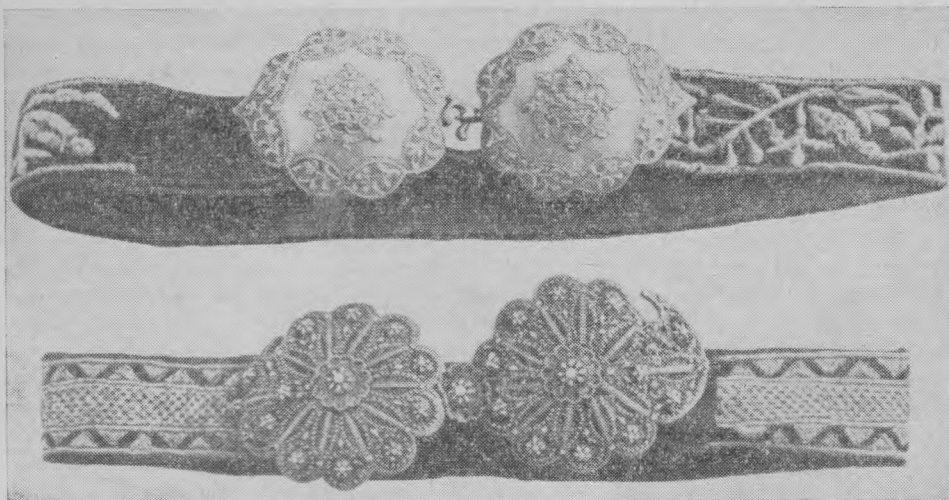

Рис. 5. Женские пояса, украшенные серебряными пряжками и золотым шитьем (Гос. музей этнографии народов СССР, фототека, 3282—15).

Рис. 6. Традиционные женские серебряные украшения (рис. Т. П. Лойферман, 1970 г. по материалам Ждановского краеведческого музея)

старинных украшений свадебного костюма отличали греческих невест от русских, украинок, женщин других национальностей. Лишь незадолго до первой мировой войны в моду стало входить белое подвенечное платье и фата с венком из флердоранжа.

Общая унификация быта в конце 1920-х и в 1930-х годах привела к упрощению свадебного обряда в целом и костюмов новобрачных.

После Великой Отечественной войны в условиях постоянно развивающегося колхозного хозяйства и сравнительно высокого достатка донецкого крестьянства изменилось отношение к свадебной церемонии. Каждая молодая пара стремится сыграть веселую свадьбу и пригласить множество гостей. Вспоминают при этом и стараются выполнить с большей или меньшей полнотой традиционный порядок церемонии, так что по своему сценарию современный свадебный обряд имеет определенный

национальный колорит. Что касается костюма новобрачных, то он ничем не отличается от распространенного ныне повсеместно: длинное белое платье и фата невесты, черный костюм и белая сорочка жениха.

Изменение важнейшего материального компонента свадебного обряда — костюма новобрачных — подчеркивает изменчивость этнических традиций. Костюм как внешнее проявление образа жизни отражает степень его урбанизации: в дореволюционное время следовали моде российского города, ныне в нашей стране этот костюм стал повсеместным, интернациональным.

Несколько своеобразных черт сохранилось во внешнем облике участников похоронной церемонии. В знак траура мужчины не бреют лицо и не стригут волосы. На рубеже веков кое-кто носил эти знаки печали сроком до года. Ныне пожилые мужчины после смерти близкого человека не бреются иногда сорок дней, чаще — девять и уж во всяком случае не пользуются бритвой несколько первых дней после похорон.

При оплакивании покойника женщины накидывали на голову белое вышитое полотенце, служившее украшением жилой комнаты, мужчинам повязывали его на руку, а прежде набрасывали на шею. В этом случае полотенце называли не «рушник» (как это принято сейчас), а «перифтар», даже в тех селах, в которых уже забыли о старинном головном уборе. Значит перифтар, который был когда-то обязательным головным убором, а потом стал специальным свадебным, нашел последнее применение в качестве детали траурного одеяния.

* * *

Итак, современная одежда немногочисленной этнической группы — это производное от двух факторов. Первый из них — среда и условия обитания, хозяйственная занятость изучаемой группы, социально-политические особенности ее жизни; в это последнее понятие следует включить классовую структуру самой группы на разных этапах исторического развития. Второй фактор — этническая традиция, которая отражает эстетические вкусы, бытовые привычки, этические нормы многих поколений, а также исторически сложившиеся межэтнические связи. Этническая традиция не остается неизменной, она сама является исторической категорией. Поэтому например, говоря о традиционной одежде всегда надо уточнять хронологические параметры этой традиции.

В современном быту колхозного крестьянства традиционным следует признать тот комплекс одежды, который отличает данную этническую группу от сельского населения других национальностей. Мы можем установить, в какое время отдельные элементы этого комплекса сами были инновациями и пришли на смену более ранним формам.

Трансформация костюма греческого сельского населения Донецкой области идет в общем русле культурно-бытовых процессов, происходящих в нашей стране. В этой трансформации прослеживается определенная тенденция: постепенная утрата одеждой этнической метки в повседневном быту и сохранение этой функции в обрядности — свадебной (до недавнего времени) и погребальной (и ныне). Именно при совершении обрядов их участники через обрядовые атрибуты, в том числе и через одежду, начинают ощущать свое этническое единство и отличие от людей других национальностей. Одежда выполняет в этом случае социально-объединительную функцию и одновременно служит этнодифференцирующим признаком.

Изменение такого примечательного элемента материальной культуры как костюм подчеркивает нестабильность культурного комплекса, характеризующего этническую группу. Он подвержен влиянию, с одной стороны, ведущего в социально-культурном отношении этноса (в данном случае — татар в Крыму, русских и украинцев в Приазовье), и с

другой — влиянию межэтнической интеграции, начавшейся в капиталистическую эпоху, но особенно бурно развившейся в советское время, в эпоху сложения общих культурно-бытовых навыков советского народа.

**THE INFLUENCE OF SOCIAL-ECONOMIC CONDITIONS
AND OF ETHNIC TRADITIONS OVER THE DRESS OF
RURAL DWELLERS**

(ON THE MATERIALS OF A STUDY OF THE GREEK POPULATION OF
THE DONETZ REGION, UKRAINIAN SSR)

In studying the everyday life of the kolkhoz peasantry in the USSR, the ethnographer should concentrate not on describing material objects of domestic use but on the attitude of the people towards those objects. The paper describes, on the example of Greek rural population, the growing prestige of Russian dress as compared with that of the local nationality. This development occurred in the course of the capitalist evolution (into which the region described was drawn in the second half of the 19th century) accompanied by the assimilation of the rural population of different nationalities by the Russian city.

At present, when objects of mass standardized culture sharply predominate in everyday life, the role of dress as a mark of ethnic affiliation has practically disappeared. Certain of its elements are preserved in ritual costume. It is in family ritual that dress gives people of a common nationality a feeling of one-ness and of their difference from the surrounding alien population. In other words, in this case national dress fulfills an ethnically differentiating function.
